

Вспоминая Евгения Борисовича Пастернака

Никогда не забуду своей первой встречи с Евгением Борисовичем, около 45 лет тому назад. Уже два года подряд я увлекалась прозой и поэзией Бориса Пастернака. Наконец с немалой взволнованностью я постучала в дверь московской квартиры его сына. Дверь открылась, и мое волнение усилилось, когда мне на секунду показалось, что перед мной стоит сам Борис Леонидович. Скоро, однако, волнение рассеялось благодаря добросердечному приёму и общей атмосфере семейного уюта. После представлений друг другу и чаепития я изумилась непринужденности, с которой, как будто ничего в мире могло быть более естественным, повели меня Евгений и его жена Елена Владимировна к широкому письменному столу, положили на него крайне интересные мне машинописные рукописи и пригласили меня остаться читать и писать, сколько хочу.

Такие случаи повторялись нередко в последующие годы. Я переписывала документы и размышляла над ними, задавала вопросы, получала всегда тщательные, неторопливые ответы, и чувствовала радость, когда Евгений (который продолжал походить на отца, как лицом так и голосом) одобрял какие-либо мои идеи или писания. Чудесно было соприкоснуться с работой, которой занимались они с женой, работой (часто затрудненной условиями советской жизни) собирания, сохранения и редактирования сочинений Пастернака, также как и приготовления собственных статей и книг о нем. Доброта этих двух людей стала мне, как и многим другим почитателям Пастернака, приходившим к ним, необычайно драгоценной.

У меня в памяти выделяются некоторые совсем маленькие, но неизгладимые воспоминания о Евгении. Почему-то помню, как однажды, в далеком прошлом, мы с

ним обсуждали принцип работы внешнего рукомоЙника у их дачи, после чего я пошла с семьей собирать грибы. Ярко помню, опять из далекого прошлого, его грустную серьезность и мое смущение, когда он не хотел принимать доллары, которые я привезла передать от одного американского доброжелателя, и вручил мне листочек бумаги, на котором написал, что принятие капиталистических денег "в нашей стране" считается преступлением. А из гораздо более позднего, постсоветского, времени еще вспоминается скромная торжественность на его лице, когда он взял лопатку и аккуратно заложил фундаментный камень будущего "Музея Пастернака" во Всеволодо-Вильве, на Урале, где он с женой и с большой компанией международных "пастернаковедов" оказались после пастерналовской конференции в Перми.

Когда, в Москве или (в постсоветское время) за границей, Евгений читал лекции о творчестве и мировоззрении своего отца, заметно было, что он никогда не кичился, не привлекал внимания к своей персоне, не демонстрировал своей гордости тем, что он сын всемирно известного автора; наоборот, он старался держаться в тени. Было ясно, что он просто и охотно вкладывал душу во все, что делал ради поэзии и поэта.

У меня осталось немного ярких воспоминаний о разных пребываниях Евгения в Англии в недавние годы. Например, помню его сидящим в небольшой лодке, мирно плывущей из городка Дэдам по реке Стаур мимо сельских пейзажей, известных по живописи Джона Констэбля. Это тихая поездка на лодке очень ему понравилась. А в 2000-м году Евгений проехал, с Еленой, с сыном Борисом и его семьей, весь долгий путь до самого любимого изо всей Англии места моей семьи, прибрежной деревни Полруан в южном Корнуоле. Там, не испугавшись дождей,

они провели две недели. Мы с другом сняли комнату неподалёку от дома, который снимали Пастернаки, и иногда совершали долгие прогулки вместе с ними. Один момент незабываем: все пошли гулять в довольно холмистой сельской местности, и молодые люди уже быстро ушли вперед по идущей в гору тропинке; между тем мы, остановившись отдохнуть по пути, увидели, как Евгений (конечно не в силах быстро подниматься в гору) шел один, медленно но мужественно, абсолютно не сдаваясь. Взобравшись на самый верх холма, он просто улыбнулся своей обычной доброй улыбкой. Таким мы его запомнили.

Помню его и в саду православного монастыря недалеко от города Колчестер; монастырь он посещал с женой Еленой в 2001-м году. С двумя монахинями мы сидим за столом на солнце, под огромным развесистым дубом. С нами сидит также наш хозяин, мудрый и ученый Архимандрит Симеон, пригласивший нас посетить монастырь; идет приятная, спокойная беседа. Об этом "чае под монастырском дубом" не раз упоминали потом с улыбкой.

И еще об этой встрече под дубом: давным давно, молодой художник, учась в училище искусств 'ВХУТЕМАС' в Москве, нарисовал портрет одной из своих сокурсниц – художницы Евгении Лурье, которая после стала первой женой Бориса Пастернака и матерью Евгения Борисовича. Так случилось, что много лет спустя этот художник стал монахом и приехал в Англию, где он основал православный монастырь, Обитель Святого Иоанна Предтечи. И вот теперь, под дубом в саду, уже постаревший сын той самой художницы, дарит монастырю прекрасную копию портрета своей матери, нарисованного лет 80 тому назад старцем Софронием, основателем этого монастыря.

Еще вижу в памяти, как, будучи в гостях у "Русскоговорящего общества в Кембридже", Евгений читает лекцию о жизни Бориса Пастернака, а вечером того же

дня декламирует стихи отца, а я читаю свой английский перевод. Иногда я встречалась с ним также в Оксфорде, куда они с Еленой Владимировной приезжали иногда погостить в доме своих давно эмигрировавших родственников. Помню типичную сцену: они сидят за длинным столом в уютном подвале дома, окруженные бумагами, планами, книгами, занимаясь наследием Пастернака.

Преданность этой работе привела, как известно, к многочисленным публикациям поэзии, прозы и писем Бориса Пастернака и к важным исследовательским публикациям. К самым значительным принадлежат пожалуй две книги Евгения: *Борис Пастернак, Материалы для биографии* и (с новыми материалами из за-границы) *Борис Пастернак, Биография* [1]– обе написаны в сотрудничестве с Еленой Владимировной Пастернак – а также составление двух книг пастернаковских писем.[2] А в 2003-2005-х годах появилось полное собрание сочинений Бориса Пастернака в одиннадцати томах: это издание,[3] собранное и снабженное подробными комментариями и примечаниями Евгением Борисовичем и Еленой Владимировной, ценнейший дар исследователям и любителям Пастернака!

Как многие другие, я безмерно благодарна Евгению за все эти труды и уважаю в них не только огромную интеллектуальную но и глубоко моральную значительность: сколько самопожертвования, сколько страсти, радости и грусти, должно быть, вложено в эти тома! Благодарна ему и за еще две книги – за книгу его собственных воспоминаний,[4] и за подаренную мне уже после его смерти книжку его собственных стихов.[5] Наконец выражаю свою вечную благодарность Евгению Борисовичу Пастернаку за его героическую работу. И за его чудесную дружбу.

1. Е. Пастернак. Борис Пастернак. Материалы для биографии. Москва, Советский писатель, 1989; Е. Пастернак. Борис Пастернак. Биография. Москва, Изд. "Цитадель", 1997.
2. Существования ткань сквозная (составление Е.Б. Пастернак). "Новое литературное обозрение", 1998; Письма к родителям и сестрам (сост. Е.Б. и Е.В. Пастернак). Stanford, 1998 [Stanford Slavic Studies, 18].
3. Борис Пастернак, Полное собрание сочинений, с приложениями, в одиннадцати томах. Слово, 2003-5.
4. Е. Пастернак. Понятое и обретенное. Статьи и воспоминания. Москва, "Три квадрата", 2009.
5. Евгений Пастернак. Одиночество. Стихи. Москва, 2012.